

Гений своего тела

колесо обозрения

— Они сказали мне: «Большое спасибо за то, что ты сделала для Германии». А я говорю: «Да это вам такое спасибо... Вы помогли мне вылечить ребенка... Я счастливая теперь по жизни, потому что он жив-здоров, и больше для матери ничего не надо».

— Что же произошло за эти два дня? Просто вы отдохнули?

Я был удивлен, как она отвечала на мои вопросы. Она их очень внимательно слушала, делала небольшую паузу, собираясь с мыслями, а потом подробно и, я бы сказал, терпеливо и при этом быстро, как-то без помарок говорила, иногда закрывая лицо ладонями, словно стеснясь того, что произносит.

А произносить она вскоре начала слова, которых не стоило стесняться, но я понимал, что не каждый человек смог бы их произнести. Но до этого было еще немного времени.

— Не знаю, что-то перевернулось во мне. Не только выспалась. Я очень не люблю что-то не сделать, а потом жалеть об этом. Я всегда говорю себе: если ты в состоянии, то сделай, чтоб никогда не жалеть, что не смогла.

— Ничего себе! — не удержался я. — То есть вы после Лондона решили, что вы еще не все сделали!

— Я скажу больше. Я знаю сейчас, что я могла на этой Олимпиаде сделать большее, но у меня не получилось, потому что это спорт. Но я никогда не падаю духом, у меня есть мечта, к которой я буду идти до конца.

— Какая мечта, можно спросить? — аккуратно спросил я.

— Я мечтаю, — четко сказала она, — завоевать на Олимпийских играх медаль за Узбекистан.

— Ох ты! Вы, значит, в Токио поедете. Но вам хотя бы квалификацию надо пройти. А если вы ее не пройдете?

— Я понимаю, — согласилась Оксана. — Я очень хорошо понимаю. В этом году мне надо было на квалификации делать многоборье, то есть все четыре снаряда, а не только опорный прыжок. Я не делала сложности на других снарядах, я делала чистенько и стабильно. А в Рио прыгала свои прыжки.

— Я видел это. И видел, как после всех выступлений, перед тем, как наградить победителей, организаторы и зал устроили овацию вам. Этому огромному залу показали сюжет про вас. В нем вы были настоящей мировой легендой спорта. Это было не то что неожи-данно. Это было так... У меня самого комок к горлу подкатил. И вы стояли такая простая и, мне казалось, поникшая...

— Я расстроилась, что не очень хорошо прыгнула, — вздохнула Оксана. — И я как-то смущаюсь, когда меня называют легендой. Я просто, может, больше люблю свой вид спорта, чем другие дела...

Я не стал ее переспрашивать, не оговорились ли она, когда сказала «дети», и не имела ли в виду «люди». По-моему, нет, не оговорились.

— Или, может, я больше понимаю в этом спорте... Я делаю это с радостью... Ну, может быть, немножко дольше задержался я в этом виде спорта... Я ничего такого не делала...

— На сколько Олимпиад дольше вы задержались? На четыре, не меньше?

— Да, так и есть. Я считаю, что на четыре. Но это не мешало здесь делать прыжок на два с половиной сальто вперед. Только я, видимо, не рассчитала силы и немножко пере-крутила.

— То есть сил у вас было слишком много на этой Олимпиаде!

— Вот именно так! Вот именно! — обрадовалась Оксана.

— А вы считали когда-нибудь, сколько разных прыжков вы прыгнули за всю жизнь?

Она удивилась: — Меня никто никогда не спрашивал об этом, а сама я не думала. Но в Рио я хотела показать именно этот прыжок, потому что у него самая сложная базовая оценка, и я была готова к нему! Но не сделала. И вот это меня мучит.

— А не то, что не взяла медаль? Все же, выходя на старт, думают про медаль. Иначе зачем все?

— Я, — с достоинством сказала Оксана, — когда выхожу на помост, никогда не думаю о медали, а думаю о том, что надо сделать все, что тренировала.

Я не верил ей. — Но в Рио вы же думали про медаль. Про золото, я уверен, думали. Хотя бы во сне ее видели. Я вам не верю!

Я ни на что ее не провоцировал. Я просто не верил.

— Не думала! Я в Токио возьму.

Когда маленькая Оксана Чусовитина полюбила гимнастику, она ходила заниматься к мальчишкам — на кольца, на перекладину. Ее пытались отправить к девочкам, на бревно. Она удивлялась: зачем ей бревно? Перекладина — другое дело, на карусель похоже

ФОТО AP

Она, по-моему, сама опешила от того, что сказала.

— Да? — переспросил я.

— Да.

— Я вас ловлю, конечно, на слове, хотя понимаю, что я не первый, кому вы это говорите...

— Я вам это первое сказала. Так будет.

Посмотрим. Недолго осталось, в конце концов.

При этом я сейчас смотрел на нее и думал, что она ведь возьмет. Вот, черт возьми, я полностью верил и доверял ей так, как она сама верила и доверяла тому, что сейчас сказала. Вдруг удивительная сила обнаружилась в этом маленьком человеке. Не кураж какой-то, который вдруг понес ее, а именно сила. И она так чувствовалась в ней. И, может, это была часть той силы, которая выносит ее уже на восьмую Олимпиаду...

— Когда продолжила тренироваться после Лондона, — сказала Оксана, — очень много было скептических голосов: она уже совсем в возрасте, она уже совсем не то... Но когда я приезжала на Азиатские игры или Кубок мира и выигрывала медаль, эти же люди начинали хвалить: «Вот какая молодец, мы за нее всегда болели...» Я не люблю, когда так... И поэтому в последние два года я перестала давать интервью. Мне стало неинтересно. Я не делаю это все для кого-то. Я делаю это для себя. И если я завтра захочу уйти, я встану и уйду.

— В конце концов, у вас есть семья, у вас есть ребенок великолепный...

— И у меня есть все звания и награды, которые могут быть в гимнастике... И мне говорят: «А зачем ты тренируешься?»

— Зачем вы тренируетесь?

— Потому что я делаю это не для кого-то. Делаю для себя. Мне вот именно это нравится. Я ж никому не мешаю.

Можно было бы сейчас сказать ей, что как же не мешает — столько юных гимнасток мечтают попасть на Олимпийские игры, и кому-то из них она ведь переходит дорогу... Но это же было не так: она честно проходит все отборы — и если и

Опорный прыжок — то самое упражнение, с которым Оксана Чусовитина завоевывала свои надежды в Рио-2016. Свои надежды в Токио-2020 она связывает с ним же

ФОТО СТАНИСЛАВА КРАСИЛЬНИКОВА/ТАСС

правда кому-то мешает, то не больше, чем кто-то мешает ей.

— А все эти упоминания о тренировках, особенно перед Олимпиадой?..

— Я сейчас не тренируюсь... — с каким-то даже торжеством сказала Оксана.

— Как, вообще?

— Так изнурительно не тренируюсь. Я тренируюсь часа три в день, не больше.

— И даже здесь, в Рио?

Я не мог поверить. Она была тут такая одна. Я сразу опять вспомнил этот фитнес-центр, угораздило же меня туда зайти...

— Один раз в день по три часа, — подтвердила она. — Мне этого достаточно. И мне в это время нравится что-то пробовать, что-то изучать... Я делаю это только для себя.

Становилось все интересней.

— Ну нельзя спортсмену, если он не хочет, сказать: «Все, хватит», — продолжила Оксана.

— Бывает же, что говорят. Потому что все равно встает этот вопрос: «Зачем?»

— А мне самой интересно, до какого вот возраста я смогу? Как только я почувствую, что качусь вниз, ну конечно же, сразу прекращу. Я не буду доводить до того, чтобы валяться под снарядом или выходить вся забинтованная... И что у меня все болит, и я кому-то что-то доказываю... Нет, конечно, нет... Но я же не качусь! У меня на прыжке был такой прилив сил! Я почувствовала такую мощь! Но, наверное, ее оказалось слишком много!.. И я перекрутила... А так-то я посмотрела и поняла, что больше половины гимнасток... это я не хва�усю ни в коем случае... выступают хуже, чем я! Почему они могут выступать, а я не могу?! У нас же нет лимита. Меня ж не выгонят из зала?

Похуже, она думала и об этом.

— Мне, между прочим, многие сказали: «Ты не уходи, ты оставайся...», — продолжила Оксана.

— В том числе и муж, и сын?

Она замаялась:

— Муж из любви никогда не скажет «Уходи». Он сам бывший спортсмен, он знает, что мне это нравится.

— И что говорить это бесполезно.

— Конечно. А вот сын... Последние раз пять говорит: «Ну все, мамочка, ты приедешь домой со своей последней Олимпиады... Последней... Да? И мы будем проводить время вместе... Да? Ты же закончила?» Ну, я приеду, поговорю, думаю, он поймет.

— Ему сколько сейчас?

— 17 будет в ноябре.

— Я так понимаю, что многое в вашей жизни из-за него в свое время изменилось, да? — я наконец спросил об этом.

Я же читал, как она сменила гражданство, когда выяснилось, что он болен.

— Не совсем, — сказала она. — Нет. Почему-то СМИ, не разговаривая со мной, говорят, что я вернулась в спорт в свое время из-за Алишера.

То есть она сейчас имела в виду другое.

— А я не уходила никуда. Я порвала ахилл, родила ребенка, но я не говорила, что уйду, я не собиралась. Я приехала с Азиатских игр, где завоевала два золота, два серебра и узнала, что у меня болен ребенок. Ему было два с половиной года. Лейкемия, рак крови. Я ходила в зал, чтобы не сойти с ума. Чтобы не уйти в себя. Чтобы не уткнуться в себя. Там, в зале, ты вынужден, хочешь ты или не хочешь, если залазишь на бревно, из головы у тебя все это убирается, и ты тренируешь бревно или брусья и отвлекаешься. Если бы я постоянно сидела в этой больнице в

течение двух лет, я бы точно сошла с ума. И в Германии дети умирают. Я видела таких детей. Это самое тяжелое. Я ходила в зал и тренировалась, тренировалась... А потом с новыми эмоциями приходила в больницу, ребенок это видел и начинал улыбаться.

— Я знаю, вы сменили гражданство и из Узбекистана переехали в Германию именно в этот момент.

— Нужно было 120 тыс. на лечение. Немцы сказали, что для гражданина Германии лечение может быть бесплатным, там такой социальный пакет, в нем детям лечение бесплатное... Не надо, говорят, ездить на соревнования, ну сколько вы зарабатываете на этих этапах Кубка мира. Ну да, у нас же не теннис...

— Может, у них корысть была? Хотели приобрести талантливого гимнастку, которая к этому времени в составе сборной СНГ стала олимпийской чемпионкой?

— Думаю, нет. Они мне сразу сказали: «Если ты не сможешь выступать, ничего страшного. Мы просто хотим помочь тебе». И ни разу не сказали: «Ты обязана выступать за нас».

— Они — это кто?

— Это Эберхард Гингер, он сидел в правительстве Германии, он гимнаст сам бывший, и немецкая федерация гимнастики... Нет, они просто помогали.

Какая теперь, в конце концов, разница, что это было. Может, что-то немцы и имели в виду, что предложили поменять гражданство. Но они предлагали спасти ее ребенка. Она не думала ни секунды.

— То есть сына спасали спортивные гимнасты.

— Да! К сожалению, в Узбекистане не было детской онкологии. Да и нет. Конечно, стали говорить, что я бросила тренера, убежала в Германию... Я думала: говорите, что хотите... Сделали все сыну, я ходила в зал, у меня появился даже тренер, она из Белоруссии, Жанна, тоже немка... стала... Потихоньку я поехала на чемпионат мира в Орхус от Германии и там заняла третье место. На чемпионатах Германии стала выступать...

— И как?

— Я всегда была первая.

— В своем прыжке.

— Нет. Я делала тогда многоборье. Была молода! — Оксана смеется, вот что в этом смехе: на самом деле я и сейчас молода, не надо, вот только не надо...

Мы поехали в Пекин, я завоевала серебро на прыжке, поехали на Европу, и я выиграла опорный прыжок...

— Это же сколько вам было?

Она отвечает мгновенно и с восторгом:

— 33.

— Уже тогда возраст был не для спортивной вроде гимнастики.

— Ой, мне тогда казалось, что я такая молодая! — она хохочет. — Такая перспективная!

Тут уж мне тоже становится, конечно, очень смешно. Да, перспективная... 33 года, ребенок болен раком крови, она ездит на Олимпиады и берет там серебро... Она так просто обо всем этом рассказывала, и как она еще могла об этом рассказать?.. А вот бездна-то понемногу и приоткрывалась. Бездна ее чудовищных переживаний, которые могли, наверное, и должны были сломать ее. Потому что как ты сможешь выигрывать чемпионат Европы, если сутками, без перерыва на сон думаешь только о том, что твой маленький сын болен раком? Никак.

— И закончились очередные соревнования, я пришла в клинику, и случилось такое, что я запомнила на всю свою жизнь. И даже 23 медали Фелпса не сравнятся с тем, что мне сказали. Мне сказали, что мой сын полностью здоров.

Она мяла и комкала в руках большой бумажный стакан, который кто-то оставил на столе до нас, а она его в какой-то момент схватила и стала мять и комкать.

Она рассказывала, как ей теперь стало хорошо, а я думал только о том, как же ей было плохо. Эта женщина прошла путь, достойный настоящей гимнастки.

— Мне сказали, что Алишер чист. Хотя бы я пять золотых медалей привезла — и это ничто по сравнению с тем, что я испытала в этот момент.

— Сколько же лет ушло на эту борьбу? — спросил я.

— Шесть. Был очень тяжелый момент, когда после третьей или четвертой химии он перестал разговаривать, перестал ходить... Я так испугалась. А они сказали, что это нормально. Но это не было нормально. Но он прошел и через это. Он, конечно, не помнит...

— В общем, все стало налаживаться...

— После этого, такая счастливая, поехала в Швейцарию на соревнования и там порвала ахилл второй раз. Только восстановила, делала отмахи в стойку на брусьях и порвала плечо. Два с половиной года я не выступала, я только восстанавливалась, лечилась, опять восстанавливалась, лечилась... И уж я не думала, буду я, не буду прыгать... А потом почувствовала, что не больно! Поговорила с Жанной, говорю, давайте попробуем, а вдруг попаду в немецкую команду... Они там даже не смеялись, им было дико про это слышать. Попаля.

— Хотя еще после Пекина, в 33 года, можно было задуматься, не пора ли... А вы вообще решили вернуться, значит, когда другие не возвращаются.

— После Пекина я узнала, что сын здоров. И эта новость была такая, что все остальные мысли были по этому самому... Параллельно стало все.

— А вам врачи говорили когда-нибудь, что с вашим организмом такого, что он вообще не стареет?

— Нет, никогда... — она задумалась. — Я даже массаж не люблю делать. Я люблю ходить в сауну.

— Послушайте, все у вас не так!

— Знаете, я даже когда в гимнастику пришла в восемь лет, то год занималась мужской гимнастикой! Я не хотела к девочкам идти!..

Это был уже перебор. Сознание мое было уже на пределе. Это уж было слишком для меня. И ведь все это была очень простая правда.

— Брат мой в Ташкенте ходил на гимнастику, и я с ним. Я на кольцах выступала на соревнованиях с мальчишками. Мне говорили: «Вон туда тебе, к девочкам... Бревно там...» Я говорю: «Мне не нужно бревно...» А больше всего мне вот что нравилось, это вообще самое любимое мое было, я бежала на него... Это на перекладине. Когда в лямке... Руки ж не отрываются от перекладины в лямке... И когда меня большими оборотами крутили, мне казалось, что это самая лучшая карусель, которая только есть в жизни!.. Я в семье самая младшая, меня все любили, и я всегда делала все, что я хотела!..

— И даже в сборной Советского Союза? Я знаю, вы же жили на озере Круглом, на том самом...

— Нет, я там не делала то, что хотела!.. Там все было по-другому, вы правы! Самое страшное там было упасть. Все! Остальное было не страшно!

— Почему же это было так страшно? Из-за опасности травм?

— Это ужасный страх, что тебя поругают. Мы были дети. Это был наш детский страх.

— Может, в этом и состояла особая сила советской гимнастики? И ее главный страшный секрет? В том, что вы жили в таком страхе. И поэтому не падали.

— А ведь меня это озеро Круглое закалило очень хорошо. 30 человек, одинаково готовые. Приходилось сражаться и выживать. На соревнованиях попадали единицы. Но мы знали, что если мы попадем в команду на Олимпиаду, то мы будем олимпийскими чемпионами. Потому что мы были сильнее.

А она сильнее и осталась.

— А вы себя сейчас на сколько чувствуете?

— Честно скажу: лет на 20!

— Ой! 20-летний возраст — очень опасный для девушки. Столько всего можно натворить...

— Но мозг-то у меня постарше!.. И все старше и старше! А я все моложе и моложе!

Мы встретимся с ней через четыре года в Токио. Я пойду на соревнования по спортивной гимнастике, и эта никакая не женщина, потому что она сейчас мне искренне не казалась уже женщиной, перед которой не нужно вставать в метро, чтобы уступить место... Так вот эта девушка, которая возьмет золото Олимпиады в Токио, — гений. Гений своего тела. Судьбы своей. Гений своих чувств.

И чистой красоты, конечно.

Она в 45 лет выиграет олимпийское золото в Токио для себя.

Но и для меня тоже.

Андрей Колесников, Рио-де-Жанейро